

КРИЗИСЫ, КОНФЛИКТЫ И МИГРАЦИЯ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ (Сводный реферат)

1. HALBACH U. Krisen, Konflikte und Migrationen im Nordkaukasus // HALBACH U. Migration, Vertreibung und Flucht im Nordkaukasus: Ein europ. Problem. – Koln, 1999. – S.3-20.

2. ТИШКОВ В. Антропология российских трансформаций // О-во и экономика. – М., 1999. – № 3/4. – С. 37-61.

Германский исследователь У. Хальбах (1) отмечает, что регион Северного Кавказа является наиболее дестабилизирующей частью Российской Федерации. Факторами этой дестабилизации являются этнополитические и этнотерриториальные конфликты, особенно сильно выраженный здесь экономический кризис, обострение криминальной обстановки, воздействие на общерегиональное развитие неспокойной ситуации в Чечне, выявленная неспособность правительства России управлять своей северокавказской территорией. Ко всему этому добавились серьезные проблемы беженцев и миграции, явившиеся следствием внутренних конфликтов, как например, конфликта между Северной Осетией и Ингушетией, приведшего к «этническим чисткам»; миграционные проблемы, связанные с чеченской войной; миграции в Дагестан, нарушающей этнополитический баланс в этой многонациональной республике. Регион, являющийся составной частью РФ, менее доступен для проведения здесь международной политики, чем Закавказье, причем вовлеченность международного сообщества ограничивается деятельностью наблюдателей ОБСЕ за ходом событий и рядом проектов ООН и МВФ для помощи беженцам в регионе.

Северный Кавказ включает 7 бывших автономных республик – Адыгею (449 тыс. жителей), Карачаево-Черкесию (436 тыс.), Кабардино-Балкарию (789,5 тыс.), Северную Осетию-Аланию (664,2 тыс.), Ингушетию (около 300 тыс.), Чечню (около 862 тыс.) и Дагестан (2121,2 тыс. жителей), а также три южнороссийских региона – Краснодарский край (5 млн.), Ставропольский край (2,6 млн.) и Ростовскую область (4,4 млн. человек). Численность населения, учитывая миграционные потоки, является весьма приблизительной, особенно для Чечни и Ингушетии (1, с. 6)..

В целом в регионе 60% населения составляют этнические русские. В Ростовской области они составляют почти 90% населения, в Краснодарском крае - 85% и в Ставропольском крае - 78%. В бывших автономных республиках их доля к концу советского периода составляла в среднем около 20%, но значительно варьировалась по республикам (от абсолютного меньшинства в Адыгее до самой большой диаспоры в Карачаево-Черкесии) (1, с.7).

Еще до начала серьезного регионального конфликта Северный Кавказ был регионом оживленной миграции, хотя ее причины и направление отличались от нынешних. Из-за высокой рождаемости и нехватки пригодных для обработки земель с 50-х годов население перемещалось из горных районов на равнину, из деревень в города; усилилась миграция рабочей силы, особенно молодежи, в

другие части России и Советского Союза. Жители Северного Кавказа мигрировали в промышленные районы Азербайджана и Казахстана, промышленные зоны Сибири и в российские города. В то же время благоприятные климатические условия Северного Кавказа привлекали мигрантов из других частей России и Советского Союза. Часть русских с 60-х годов переселялась в города и промышленные зоны региона и работала, например, на нефтеперерабатывающих предприятиях Чечни.

С ростом национальных движений, «парада суверенитетов» бывших советских республик и автономных областей РСФСР и взрыва этнических и территориальных конфликтов миграционные потоки на Кавказе изменились. Северный Кавказ стал самым кризисным и конфликтным регионом России, особенно его восточная часть, включая Северную Осетию, Ингушетию, Дагестан и Чечню. В западной части региона ситуация относительно стабильна. Здесь позиции русского населения сильнее, и этнокультурные и религиозные различия меньше. Например, ислам здесь внедрился слабее, чем в Чечне, Ингушетии и в Дагестане, хотя нельзя считать западную часть Северного Кавказа свободной от потенциала этнических и территориальных конфликтов.

Значительное демографическое и политическое неравновесие между титульными нациями появилось в результате сталинской национальной политики, при которой на одной территории объединялись разные этносы, а родственные – разделялись, осуществлялась депортация, и все это отражалось на этнополитическом балансе соответствующей территории.

В настоящее время к наиболее кризисным явлениям на Северном Кавказе можно отнести обострившуюся внутриполитическую ситуацию в Чечне, неконтролируемое создание вооруженных формирований, связь между политическими, этническими и религиозными движениями и криминальными структурами, участившиеся террористические акты и похищения людей по политическим и криминальным мотивам, использование религии для борьбы за власть, в том числе попытки исламизации Чечни, захвата Дагестана, конфликты между местным и «импортируемым» (вахабизм) исламом. А материальной основой этого кризиса является бедственное экономическое положение региона.

Взрывоопасная комбинация исторических, демографических, этнокультурных, социально-экономических и геостратегических факторов создала на Северном Кавказе ситуацию, с которой не могут справиться ни на федеральном уровне, ни местные властные элиты. Разрушение правового поля и государственной власти, по крайней мере на востоке региона, зашли столь далеко, что, по мнению автора, восстановление здесь конституционного порядка уже трудно себе представить. После обострения внутриполитической ситуации в Чечне в Москве забили тревогу.

В целом, констатирует автор, северокавказская политика России обременена целым рядом препятствий:

– несмотря на серьезные политические неурядицы (особенно сепаратизмом в Чечне), Россия не может окончательно отказаться от традиционных стереотипов своей кавказской политики и все еще разделяет, по утверждению ингушского президента Аушева, народы Северного Кавказа на «надежные» и «ненадежные»;

- несмотря на образование многочисленных комиссий, конференций и стратегических документов о ситуации на Северном Кавказе, до сих пор нет обязательной концепции российской региональной и национальной политики по отношению к неспокойным регионам. Российские политические акции скорее увеличивали напряженность конфликта. «Отсутствие концепции и региональная некомпетентность центра характеризовали кавказскую политику администрации Б. Ельцина» (1, с.9). Руководители северокавказских республик требуют от Москвы активной политики по отношению к Чечне, предостерегают от изоляции республики.

Симптомом и катализатором конфликтов и кризисов были с начала 90-х годов мигранты, беженцы и вынужденные переселенцы в регионе. Наряду с ростом напряженности между Москвой и Чечней, исходным пунктом этого процесса был изданный в 1991 г закон РФ «О реабилитации репрессированных народов», который оказал на Кавказе неоднозначное воздействие, поскольку у депортированных при Сталине народов – чеченцев, ингушей, балкар и карачаевцев – после их реабилитации и восстановления территориальных единиц остались неудовлетворенными претензии по поводу «территориальной реабилитации», в частности, претензии Ингушетии на принадлежавшую им до 1944 г. территорию Пригородного района под Владикавказом, который с тех пор находится под управлением Северной Осетии. Закон стимулировал спонтанное возвращение упомянутых групп населения в спорные регионы, порождая тем самым многочисленные межэтнические конфликты. Из прежнего места жительства в бывших советских республиках люди возвращались на свою «этническую родину», где их никто не ждал. В Северную Осетию из Грузии и Центральной Азии возвращались десятки тысяч осетин, в результате в конце 1998 г. в республике оказалось, по оценке ее президента, 38 тысяч беженцев (1, с.11).

Но этнотERRиториальные и политические конфликты сопровождались не только внутрирегиональной миграцией, но и массовым выездом из региона, прежде всего в Россию: в 1989 г. община северокавказских национальностей в Москве составляла 25 тыс. человек, но с тех пор выросла в три-четыре раза. Но больше всего мигрировали русские: из Дагестана в 90-е годы выехали около 200 тыс. человек, из них русские составили 95%, из Чечни и Ингушетии – 450 тыс. человек (1, с.11). Причиной исхода мигранты называют социальные, культурные и экономические притеснения, которые увеличивались по причине концентрации титульных наций в соответствующих республиках.

Ростовская область, Ставропольский и Краснодарский края стали областями прибытия и поселения для переселенцев, беженцев и изгнанников из различных регионов распавшейся советской многонациональной империи. С 1989 г. сюда прибыл почти 1 млн. граждан России и сотни тысяч мигрантов из бывших советских республик: в Краснодарский край – 670 тыс., в Ростовскую область – 400 тыс. и в Ставропольский край – 280 тыс. человек, но на 1 января 1998 г. только 248 тыс. были зарегистрированы как «беженцы». Местные власти трех регионов, перенасыщенных потоком прибывающих, ограничили регистрацию беженцев, поскольку сочли ухудшившимся положение собственного коренного населения из-за роста цен на недвижимость, обострения конкуренции на и без того сократившемся рынке рабочей силы и криминальной обстановки. Другие регионы

также приняли меры по ограничению потока беженцев. Особенно это коснулось беженцев из Чечни. Среди зарегистрированных в 1998 г. в Ставропольском крае беженцев 65% оказались выходцами из Чечни (1, с.12).

Принимались даже меры по принудительному выселению беженцев и мигрантов, несмотря на предупреждение Верховного комиссара ООН по делам беженцев о недопустимости принудительной депортации беженцев, поскольку каждая попытка насильтвенной депатриации сопровождалась новой вспышкой конфликтов. Но были, по сообщению российских СМИ, и примеры мирного организованного возвращения беженцев и переселенцев на Северный Кавказ с помощью международных и местных организаций, в частности, осетинские беженцы были возвращены в Южную Осетию и Грузию, а ингушские – в Северную Осетию.

Рассматривая более подробно ситуацию в отдельных зонах конфликта, автор приходит к выводу, что война российской армии против отделившегося «субъекта федерации», называемая Москвой «ограниченной военной акцией против сепаратистов и бандитов», обрела черты войны на уничтожение городов, деревень и мирного населения и вызвала на Северном Кавказе сильнейшее движение беженцев, общее число которых оценивается в 400 тыс. человек. Только из-за последствий в сфере миграции война в Чечне явилась сильнейшим фактором дестабилизации на Северном Кавказе и в других районах Юга России.

До сегодняшнего дня большое число чеченских беженцев живет в разных районах Юга России и подвергается дискриминации в большей мере, чем другие «лица кавказской национальности». В Волгоградской области, например, в некоторых сельских населенных пунктах требовали настоящей депортации кавказцев, особенно чеченцев. Межэтнические отношения в сельской местности носили характер открытой враждебности. В Кабардино-Балкарии республиканский парламент принял летом 1997 г. решение о принудительном выселении чеченцев. При этом среди 5 тыс. человек, которых касалось это решение, было много противников дудаевско-масхадовского режима.

В Дагестан и Ингушетию бежали в основном чеченцы. Русские уходили из Чечни преимущественно в российские регионы Северного Кавказа и Южной России, а также в Москву и другие части страны. Исход русских начался осенью 1991 г и усилился с началом «чеченской революции» и приходом к власти национально-сепаратистского режима Дж. Дудаева. В 1991 г. Чечню покинули 25 тыс., в 1992 г. – 35,8 тыс. русских. В последующие годы уход продолжался в связи с криминализацией республики, политической нестабильностью, ухудшением материального положения. Первыми покинули Чечню функционеры разрушенного советского режима и работники государственного аппарата, затем – квалифицированные рабочие пришедших в упадок промышленности и сферы обслуживания. Среди русскоговорящих раньше всех уехали евреи и армяне, затем – этнические русские. В апреле 1997 г. российское правительство издало закон о помощи русским беженцам из Чечни, который получил печальную известность, поскольку не был воплощен в жизнь. По данным министерства национальностей и региональной политики РФ, в 1998 г. в Чечне проживало от 30 до 50 тыс. русских (1, с. 13). Проводившаяся исламизация Чечни (введение шариатских судов и других исламских институтов) внушала русскому меньшинству дополнительные опасения.

Автор считает, что систематического преследования русского меньшинства в Чечне не было, но материальные трудности в разрушенной войной стране при безработице, охватившей почти 80% трудоспособного населения, росте преступности, невыплате зарплат и пенсий более чем за два года, внутриполитические волнения внушали страх перед новой гражданской войной. В случае нормализации политических и социально-экономических условий русские беженцы, прежде всего бывшие работники промышленности и нефтяных промыслов готовы, по мнению автора, вернуться, поскольку в местах их нового жительства их часто называют «чеченцами» или «чеченскими русскими» и подвергают дискриминации.

Конфликт между осетинами и ингушами, вспыхнувший в 1992 г. в Северной Осетии -Алании, особенно в спорном Пригородном районе под Владикавказом, явился первым кровавым конфликтом между двумя группами населения в постсоветской России. Он имеет ряд общих черт с другими конфликтами на Кавказе: выраженный этно-территориальный характер – главной причиной спора является Пригородный район площадью около 300 кв. км., который до депортации ингушей и чеченцев в 1944 г. принадлежал Чечено-Ингушетии, а после депортации и распада Чечено-Ингушской АССР отошел к соседней Северной Осетии; беспримерная жестокость, проявившаяся в борьбе между не враждовавшими ранее народами; этнические чистки – по ингушским данным, около 70 тыс. ингушей были изгнаны из Северной Осетии (1, с. 15); переплетение с соседними конфликтами и вызванной ими иммиграцией; влияние на политические и социально-экономические отношения в обеих вовлеченных в конфликт республиках – в Северной Осетии и Ингушетии.

С августа 1994 г. с помощью международных организаций было организовано возвращение беженцев на их старое местожительство. К середине 1996 г. вернулось почти 9 тыс. беженцев, но нерешенная до конца проблема является препятствием для окончательного урегулирования конфликта. Со сменой власти в Северной Осетии к началу 1998 г. отношения между президентами двух республик несколько улучшились, они вступили в диалог. Однако проблема беженцев продолжает отягощать политический климат и обострять напряженность. Учащаются террористические акты, вновь возникает проблема беженцев.

Ситуация в Северной Осетии осложняется тем, что темпы возвращения беженцев из Ингушетии в Пригородный район (самую плодородную сельскохозяйственную часть Северной Осетии) превышают темпы создания соответствующих экономических предпосылок для этого. Даже при представлении согласованных обеими республиками и федеральным правительством денежных пособий организованное возвращение беженцев займет 7-10 лет. А кроме того район принял 8,7 тыс. осетинских вынужденных переселенцев из Грузии, Абхазии, Ингушетии, Чечни и Средней Азии. Из-за конфликта разрушены все экономические структуры (1, с.16). В целом в Северной Осетии в конце 1998 г. находилось более 38 тыс. беженцев и изгнанников.

Федеральная миграционная служба (ФМС) продолжает предоставлять широкую помощь беженцам. В 1997 г. руководство республики вынесло решение об освобождении санаториев, туристических центров и других жилых помещений, в которых ранее размещались беженцы, поскольку правительство будто бы

гарантировало их возвращение в прежние места проживания, например, в Грузии. На самом деле квартиры осетин в Грузии давно заняты грузинами, так что обещание возврата было безосновательным. Большая часть изгнанных из Северной Осетии ингушей все еще живет во временных убежищах и у родственников.

Но если Северная Осетия, в которой 30% населения живет ниже черты бедности, имеет, по сравнению с другими регионами России и странами СНГ, относительно «нормальные» социально-экономические показатели, то Ингушетия с начала своего провозглашения республикой в 1991 г. находилась в чрезвычайно бедственном положении. На ее территории в 3200 кв. км. практически нет значительных экономических объектов. Лишь образование особой экономической зоны должно было оживить строительство и экономическую деятельность. И хотя в 1997 г. этот особый режим был отменен решением парламента, республиканскому бюджету был предоставлен компенсационный кредит. К тому же президент Аушев сумел добиться от Москвы регулярных переводов для выплаты пенсий и социальных пособий.

И все же экономика республики была недостаточно сильной, чтобы обеспечить всех беженцев, численность которых составляла временами около половины ее собственного населения. В 1998 г. ФМС заявила о готовности семей ингушских беженцев переселиться в другие регионы России. Это вызвало в Ингушетии резкие протесты, поскольку уже приобретенный опыт показал, что нигде в России их не ждут; более того, «в последние годы на официальном уровне разжигается ненависть против «лиц кавказской национальности», поэтому «верхом цинизма является подобное предложение со стороны высших властей России» (1, с. 17).

Многонациональной республике Дагестан в российской прессе уделяется самое большое, после Чечни, внимание, поскольку ни в одном субъекте Федерации нет такого множества признаков кризиса, как в этой крупнейшей и самой населенной северокавказской республике, которая является к тому же и самым этнически дифференцированным регионом России. Дагестан в настоящее время испытывает все отрицательные последствия вовлеченности в борьбу против чеченского сепаратизма. Средняя заработка плата здесь более чем в три раза ниже, чем в среднем по стране. Промышленность, сильно ориентированная на военное производство, в значительной степени простоявает. Экономический кризис усилил традиционный разрыв в уровне развития между горной и равнинной местностями, многие горные жители мигрировали в немногочисленные города равнин, и теперь половину населения здесь составляют переселенцы. Живущие здесь этнические группы, прежде всего кумыки и ногайцы, опасаются остаться в меньшинстве в местах своего проживания. Казаки, живущие в нижнем течении Терека, тоже оказались в меньшинстве, тогда как раньше составляли большинство местного населения. Этнополитические и социальные проблемы, связанные с неконтролируемой миграцией, побудили правительство республики выработать программу по стимулированию развития горных районов. Однако средств на преобразования, разумеется, нет.

Миграция между местами расселения многочисленных этносов Дагестана может взорвать сложившийся этнополитический баланс в республике. Даже раньше переселение одной национальной группы в места обитания другой

угрожала нарушением стабильности, а после распада СССР эта опасность обострилась из-за разнообразных социально-экономических проблем переходного периода. Из-за сложной национально-территориальной структуры взрывоопасной темой стала земельная реформа и приватизация земли. Споры из-за нехватки земель привели к конфликтам между группами населения. Однако новые переселения вызваны не только социально-экономическим кризисом в самом Дагестане, но и этническими конфликтами в соседних Грузии, Азербайджане, а также положением в Чечне.

Русские и казаки Дагестана для противостояния многочисленным дагестанским «народным фронтам» и «этнической милиции», а также переселению других групп населения в места их проживания попытались создать собственные организации типа «Формирование терских казаков» или основанной в 1994 г. в Махачкале «Русской общины». На конференции движения «Русь» в Кизляре в качестве причин миграции русских из Дагестана были названы этнический и религиозный экстремизм, действия нелегальных групп, растущая межэтническая напряженность в повседневной жизни, война в Чечне, безработица, переселение дагестанцев из горных районов на равнину. Участники требовали большей активности от властей и интеграции казаков в местные институты власти. Но правительство Дагестана решительно выступило против создания вооруженных казачьих формирований. Доля русских в населении республики составляла в 1997 г. только 7,2%, а их представительство в республиканском руководстве – еще меньше - 4,6% (1, с.19).

Но сильнее всего Дагестан дестабилизируют чеченские события. Обе республики тесно связаны между собой этнокультурным и историческим развитием: в западной части Дагестана (округ Хасавюрт и др.) живут почти 100 тыс. этнических чеченцев (так называемые акинцы-чеченцы). Чеченские группы населения Дагестана не только требуют вернуть им бывшие чеченские территории, на которые в свое время переселились дагестанские народы (в частности, лакцы), но и готовы присоединиться к движению за отделение от Дагестана, с тем чтобы воссоединиться с «этнической родиной». В свою очередь и националистические силы в Чечне предъявляют территориальные претензии к Дагестану. В настоящее время трансграничное движение по объединению различных группировок в обеих республиках проходит под флагом ислама и воспоминаний о совместной борьбе против российской империи в XIX веке, которая велась тогда как «газават» – война против «неверных» под руководством имама Шамиля.

После начала первой чеченской войны потоки беженцев перешли границы Дагестана. Международные организации, такие как Красный Крест и Верховная комиссия ООН по делам беженцев (UNHCR), открыли в 1995 г. свои филиалы в Хасавюрте и Махачкале; специализированные организации ООН тоже создали свои представительства в Дагестане. Треть беженцев была размещена в лагерях, большая часть нашла приют в дагестанских семьях чеченского происхождения. Тем самым и ранее существовавшая «чеченская проблема» еще больше обострилась. В 1996 г. поток беженцев сократился, а после заключения хасавюртского мира в августе в Дагестане осталось, по оценкам, еще 30 тыс. беженцев. Однако из-за «прозрачности» чечено-дагестанской границы точное их число определить невозможно.

Прибытие беженцев обострило социально-экономические и внутриэтнические проблемы, привело к удорожанию и без того недостаточных земель и жилья и нарушило чувствительный этнополитический баланс в Дагестане. Особенно ущемленными на своей «родовой» территории почувствовали себя кумыки, доминирующие в Хасавюрте, которые потребовали создания автономного «Кумыкистана», что, в свою очередь, привело в ярость «народный фронт аварцев» под названием «Шамиль». Национальное движение ногайцев «Бирлик» тоже потребовало территориальной автономии в целях защиты своего этноса от миграции других этнических групп. Подобные этнические организации, хотя и не являются прямым следствием чеченской войны, в значительной мере определяют политическую жизнь Дагестана.

Кроме того, война в Чечне привела и к другим последствиям, усилив общие антикавказские настроения в России и других частях бывшего СССР. В связи с этим дагестанцам и другим северокавказским народам приходится возвращаться в родные места из промышленных областей каспийского пространства и России.

Российский исследователь В. Тишков, оценивая трансформацию общества в России в целом и на Северном Кавказе в частности, отмечает, что демография периода «перестройки» отмечена более быстрым ростом численности «северокавказцев» и сокращением доли русских, татар и чувашей в общем населении региона. Но это, считает автор, не должно быть предметом спекуляций. Доля русских не является вопросом жизненной стратегии государства. В дореволюционной России и в СССР русские никогда не составляли более 55% (2, с.46). Подавляющее демографическое доминирование одной группы не является залогом крепости государства, ибо даже 1% населения и территории, который составляют чеченцы и Чечня в России, может стать базой масштабной войны. Действительной же проблемой является высокая рождаемость в горных дагестанских и других северокавказских селах, где недостаточно ресурсов, завышенные социальные ожидания и бедность вызывают напряженность, конфликты и выход граждан из правового пространства.

В.И .Шабаева